

Л. А. ДМИТРИЕВ и Ю. М. ЛОТМАН

Новонайденная повесть XVIII в. «История о португальской королевне Анне и о гишпанском королевиче Александре»¹

Несмотря на то что рукописные повести XVIII в. давно уже привлекают внимание исследователей, как своеобразный синтез фольклорной и древнерусской повествовательных традиций и живых процессов развития русского романа, изучение целого ряда проблем произведений этого жанра еще только начинается.

Необходимость рассмотрения рукописной повести с точки зрения ее литературной специфики была подчеркнута еще в 1923 г. Н. К. Пиксановым;² на это же в сравнительно недавнее время указал П. Н. Берков, акцентировавший мысль о том, что «нельзя изучать повесть XVIII в. в отрыве от других литературных жанров»,³ т. е. от всего историко-литературного процесса.

Между тем роль и место рукописных повестей XVIII в. в общем потоке литературного развития еще не определены по настоящее время. Особое внимание здесь следует уделить взаимоотношениям с печатным романом. Изучение материала показывает, что при всей близости этих взаимовлиявших литературных жанров разница между ними не может быть сведена к простому техническому отличию между типографской и рукописной продукцией.

Каждая из этих групп художественной прозы воспринималась читателем XVIII в. как самостоятельная художественная сфера со своими законами, жанровыми нормами и стилистикой. В этом смысле даже факт закрепления рукописной повести в печати не был простым ее повторением, поскольку произведение переключалось в иной жанрово-стилистический ряд и начинало по-новому осмысляться читателем. Известную параллель в этом отношении представляют такие явления, как например, прозаический перевод Чулковым «Оберона» Виланда. Тот факт, что произведение было переведено прозой, переключило его в сознании читателей в иной жанрово-стилистический ряд — оно уже воспринималось в связи с традицией рыцарско-фантастических произведений типа «Пересмешника» того же Чулкова, а не шутливой поэмы в духе «Душеньки». В произведениях первого типа читатель искал сюжетной занимательности, во-вторых его привлекала проблема легкости повествования, авторской иронии. Первые были предназначены для читателя, воспринимающего произведение

¹ Публикация текста и описание рукописи Л. А. Дмитриева, статья Ю. М. Лотмана.

² См.: Н. К. Пиксанов. Введение в историю старорусской повести. — В кн.: Старорусская повесть. Госиздат, М.—Л., 1923.

³ П. Н. Берков. О так называемых «петровских повестях». — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 428.

«всерьез» и даже склонного верить в историческую достоверность составляющих интригу событий; читатель вторых — это утонченный ценитель-скептик, рассматривающий искусство как игру и интересующийся в первую очередь мастерством исполнения.

Другим смежным жанром, взаимоотношения с которым определили художественную специфику рукописной повести, являлась народная сказка, главным образом бытовая. Это промежуточное положение между повествовательными жанрами народного творчества и печатной художественной прозой, в первую очередь литературным романом, в значительной мере определило своеобразие рукописной повести XVIII в. как литературного явления.

Остановимся на этих вопросах в такой мере, в какой это необходимо для понимания публикуемого текста.

«История о португальской королеве Анне и о гишпанском королевиче Александре», видимо, является оригинальной повестью, возникшей, вероятно, в середине XVIII в. На оригинальный характер этого произведения, несмотря на то что действие происходит в Португалии, указывает сравнительно широкое распространение этого сюжета, а очень близкой к публикуемому тексту комбинацией эпизодов, в русском фольклоре и отсутствие подобного сюжета в западноевропейском народном творчестве. По крайней мере, ни указатель сказочных сюжетов Анти Аарне,⁴ ни издание его, расширенное и дополненное Томпсоном,⁵ подобного сюжета не знают. Подстрочное примечание Больте-Поливка,⁶ на которое как на известную параллель к интересующему нас сюжету указал еще Н. П. Андреев, содержит лишь сведения об отдельных сходных мотивах, однако в довольно далеких сюжетных комбинациях. Между тем в русском фольклоре сюжет этот известен очень хорошо. Упомянутый выше указатель Н. П. Андреева называет четыре записи сказок с сюжетом, и в деталях и в общей структуре весьма близким к публикуемой повести.⁷

Среди этих сказок особое место занимает текст, вошедший под № 127 в сборник Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Вятской губернии». Публикации предшествует пояснение: «„Машинька“, полуграмотная рукопись, писанная, вероятно, солдатом; доставлена из села Ключевки, Елабужского уезда». Указание это в высшей степени ценно: перед нами,

⁴ Antti Aarne. Verzeichnis der Märchentypen. — F. F. Communication, № 3, Helsinki, 1911.

⁵ The types of the folk-tale. A classification and bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen (F. F. Communications, № 3), translated and enlarged by Stith Thompson, Ph. D. (F. F. Communication, № 74, Helsinki, 1928).

⁶ Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm, neu bearbeitet von J. Bolte und G. Polivka, Bd. I. Leipzig, 1913, стр. 45—46, прим. 4; ср. Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929, стр. 60—61.

⁷ Отсутствие подобного сюжета в западноевропейском фольклоре не исключает возможности обнаружения сходной фабулы в рыцарских романах. Решить окончательно вопрос о степени самостоятельности или зависимости публикуемой повести от западноевропейской традиции можно только после исчерпывающего просмотра всех текстов рыцарских романов, произведи который мы в настоящее время не имели возможности. Ряд эпизодов повести совпадает с трафаретами как западноевропейского рыцарского, так и русского переводного романа (любовь по портретам или по образу, увиденному во сне, обмен и возвращение — иногда новое изготовление — подарка и др.). В последний раз, как нам кажется, второй из названных мотивов был повторен в романтической литературе Западной Европы известным эпизодом с бриллиантовыми подвесками в «Трех мушкетерах» Дюма. Это место сюжетно очень напоминает мотив подарков в «Истории о португальской королеве Анне...» и близких к ней русских сказках. Однако произведения с характерным для публикуемой повести сочетанием сюжетных эпизодов в репертуаре рыцарских романов Западной Европы нам пока обнаружить не удалось.

таким образом, произведение, утратившее один из важнейших признаков народной поэзии — устный характер распространения — и стоящее на полпути к рукописной повести. Связи со сказкой здесь еще не порваны, на это указывает сохранившийся в записи типично сказочный зачин: «Начинается рассказ, люди добрые, для вас. Раз случились именины у соседки Акулины. Много было там добра, полугару два ведра... Ну, да что тут попусту болтать? Время сказку начинать».⁸ Но дальнейшее изложение несет явные следы литературной обработки, что не дает нам права считать текст простой записью.

Содержание «Машиньки»⁹ дает возможность датировать время возникновения этого текста. Детали описания военного быта таковы, что не позволяют отнести время возникновения текста к периоду, более позднему, чем царствование императора Александра I. Так, например, здесь говорится о том, что солдаты должны добавлять своих денег, чтобы «справлять» себе амуницию, и их исправность во фрунте зависит от собственной расторопности и щедрости командира роты. Такой порядок, существовавший еще во времена Александра I, позже был уничтожен. С другой стороны, то, что смотр войскам (автор записи знает солдатскую жизнь не по рассказам — в его повествовании чувствуется очевидец и участник учений и парадов) проводит царь, а не царица, еще более сужает возможные хронологические рамки записи, ограничивая их царствованиями Павла и Александра I, т. е. концом XVIII — начала XIX в.

Содержание «Машиньки» таково. Герой рассказа Слудин выслуживается из солдат в ротные; царь посылает его за границу. Здесь он, гуляя по улице, видит вывеску: типы народов. Вздумал посмотреть. Ходил смотреть на все портреты; за каждый тип лица платил по одному рублю, «а там есть еще — за один 25 рублей. Подумал Слудин: надо посмотреть».¹⁰ По портрету герой влюбляется. Ему сообщают, что «тип» снят с Машеньки, жены старого и ревнивого генерала, который держит ее взаперти в особой горнице. За бочку золота генерал показывает Слудину свою жену. Щедрым подарком Слудин привлек симпатию слуги генерала, который разыскивает героя, нанимается к нему в слуги, снимает для него дом напротив генеральского и без ведома Слудина прокапывает подкоп. Далее идет рассказ о любви героя и Машеньки и о подарках, которые он получает от нее. Как и в «Истории о португальской королевне Анне», это сначала кольцо, но затем — сабля и мундир. Генерал узнает свои вещи и подает в суд, но герой все три раза спасается благодаря проворству слуги, то возвращающего подарки через подкоп, то изготовляющего их копии. Осужденный по суду генерал должен в виде выкупа посватать Слудину невесту и сватает ему свою собственную переодетую жену. Напоминает «Историю об испанской королевне Анне» и последняя выразительная деталь: в момент, когда генерал уходит на свадьбу, а Машенька бежит через подземный ход, слуга сажает около окна «куклу на пружинах». Общее и то, что герой и Машенька уезжают на корабле, причем «генерал проводил новобрачных до самой пристани».¹¹

Записанная Н. Е. Ончуковым сказка «Белобородый старик» хотя и отличается рядом деталей (в ней нет подкопа, авантюрно-галантный эпизод любви по портрету или сонному видению заменен грубо натурали-

⁸ Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Вятской губернии. Пгр., 1915 (далее: Д. К. Зеленин), стр. 395.

⁹ Д. К. Зеленин в заглавии сохраняет такое написание, но в тексте дает «Машенька».

¹⁰ Д. К. Зеленин, стр. 396.

¹¹ Там же, стр. 401.

ческим: старик зовет героя «посмотреть товар», «пошли в дом; завел в свои горницы, старик велел своей бабе до нага раздеться и повел по комнаты ногу»,¹² — однако общая схема, которую можно было бы определить: муж, сватающий свою жену, — бесспорно совпадает с названной выше. Присутствуют здесь и вещи мужа (шапка, сапоги, шуба), получаемые от жены и потом возвращаемые на место, — символы того, что муж, верящий в возможность существования вещей точно таких же, как его собственные, потом поверит в возможность существования женщины, совершенно похожей на его жену. Показательно, что при этом почти повторяются выражения, которые находим в публикуемом тексте.

В «Истории о португальской королевне Анне и о гишпанском королевиче Александре»: «И королева рассмеялась и рече королю, мужу своему: „Я удивляюсь, ваше королевское величество, вашему разуму, что изволите мыслить, будто ваш перстень у королевича!.. Не токмо то, что дело з делом сходно и человек в человека народитца!“».

В сборнике Ончукова: «Баба старика стала бранить: „Дикой ты старик! Не даром ты и деньги-то проиграл. Шапка в шапку не находитча? — Сапоги в сапоги находятца, человек в человека находитце, не то шапка в шапку находитце“».¹³ Завершается сказка, как и уже известные нам тексты, отъездом молодых на корабле.

Сравнение текста «Истории о португальской королевне Анне» с бытующими в русской народной традиции сказочными вариантами сюжета «муж, сватающий свою жену» позволяет сделать некоторые выводы: уже в фольклорной традиции наметилась определенная эволюция — рудименты древнего сюжета исчезают, и сказка приобретает новеллистический характер. Завершение этого процесса мы видим в сказке «Белобородый старик». Однако это не значит, что в своих исходных стадиях сюжет был лишен волшебного элемента. Больте и Поливка указывают, что мотив «подземного хода» связан с волшебными помощниками или помощью со стороны постороннего лица, часто брата героини, заключенной в башне.

Следы подобного построения видны в «Машиньке», где хотя помощник утратил свою волшебную функцию и превратился в пронырливого слугу, однако сохранилась характерная черта: герой пассивен, и им движет если не черт, как в «Повести о Савве Грудцыне», то по крайней мере «добрый советник» и «слуга». При этом характерно, что в первой части «Машиньки», не связанной с сюжетом «муж, сватающий свою жену», Слудин дан как герой, полный внутренней инициативы. Собственными усилиями он выбивается из рядовых в офицеры и командира роты, причем автор ясно рисует трудности, препятствующие его продвижению. Однако, лишь только герой включается в собственно сюжетное развитие, он теряет внутреннюю инициативу — все действия совершаются им под влиянием внушений слуги, причем бросается в глаза психологическая немотивированность заинтересованности слуги в успехах господина. Эта пассивность героя сохранилась и в «Белобородом старике» — инициатива перешла к «бабе».

В «Истории о португальской королевне Анне» в этом смысле сам принцип построения образа изменен — герой наделен активностью; в борьбе за земное счастье он не нуждается ни в чьей помощи. Вся система образов приближена к плутовской новелле типа «Фрола Скобеева». Счастье — цель стремлений героя — это физическое наслаждение: «Лег

¹² Н. Е. Ончуков. Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губернии). СПб., 1909 (далее: Н. Е. Ончуков), стр. 63.

¹³ Там же, стр. 64.

с королевною на кровать и совокупишася, и с радостию стали веселиться паче прежнего».

Необходимо отметить и другую черту, отличающую «Историю о португальской королевне Анне». Фольклорная сказка чужда церковного морализма, но не чужда морали. Добро и зло резко разграничены, и положительный герой является вместе с тем и «героем морали». В «Машиньке» Слудин не только ловок (он даже, собственно говоря, и не ловок, ибо, как мы отмечали, пассивен), но и честен. Напротив, муж Машеньки, генерал, корыстолюбив, ревнив и зол. О его жадности сообщается при первом же упоминании его имени. Он из ревности тиранит жену и вместе с тем за деньги дает чужестранцу любоваться ее красотою. Таким образом, исход повествования не только привлекает интерес слушателя, но и удовлетворяет его моральное чувство.

В сказке «Белобородый старик» антипод героя — муж, сватающий свою жену, — наделен еще более отрицательной характеристикой: он мошенник и плут, которого никто обмануть не может. Простодушием он совсем не отличается и сватает свою жену за героя лишь потому, что во время всей свадьбы мертвецки пьян. Торжество героя воспринимается именно как победа честного человека над плутом. На это прямо указывает концовка сказки: когда старик поймал молодоженов на пристани и привел их к королю, то герой — и с ним соглашается царь — доказывает, что тот, кто обманывал других, не может жаловаться на обман.

Плутовская новелла строилась иначе. Отбрасывая церковное средневековое мировоззрение, подавляющее земные потребности реальной личности во имя религиозных абстракций, автор повестей типа «Фрола Скобеева» «освобождался» вообще от отвлеченных идей, теоретических обобщений. Материальная жизнь в ее эмпирической данности воспринималась как единственная реальная ценность. Таким образом, отказ от церковной морали приводил к отказу от самой постановки этических проблем. Симпатии — не на стороне честного, а на стороне ловкого, удачливого героя. Его даже нельзя считать безнравственным, ибо нравственные проблемы для него не существуют и этические критерии к нему не применяются. Соответственно герои делятся не на добрых и злых, а на удачливых и неудачливых, активных и пассивных, умных и ловких, хищников и простофиль. В условиях России XVII в. такая позиция в первую очередь оборачивалась своей направленной против церковной морали демократической стороной. Но в ней была и другая (раскрывшаяся в дальнейшем) сторона, о которой речь будет ниже. Добрый герой отождествляется с глупым и сочувствия не вызывает (ср. Нардын-Нашекин с женою в «Фроле Скобееве»).

Характеристика героев в публикуемой повести приближается к плутовской новелле. Главный противник героя — король — отличается добротой и доверчивостью. К герою он исполнен дружеских чувств. «И Король удивился его разуму и ответам, И начаша его любить, понеже что он, королевичь, млад и весьма прекрасен, и во всяких забавах искусен, и всегда с королем ездяше во всякие канпани». Он заботится о здоровье Александра, присылает ему во время притворной болезни «доктуров», отправляясь в путь, «приехал х королевичу прощатся и простился». Доверчив он и по отношению к своей жене (что не вяжется с исходной сюжетной схемой, следуя которой автор заставляет короля из ревности держать жену в «особливой палате» за караулом). Как только королева снова показывает ему подаренные любовнику вещи, он сразу начинает верить в свою ошибку и извиняется в нежных выражениях: «Возлюбленная моя королева, прости ты меня, что я помыслил!». «И король, видя

свою вину, начал ее увеселять». Показательно, что в «Машиньке» легковерным оказывается не генерал, а судья, которые находят в его доме подаренные вещи или их копии и решают дело в пользу Слудина.

Соотношение персонажей в публикуемой повести иное. За свою дружбу и доверчивость, которые воспринимаются как неспособность к жизненной борьбе, король наказуется не только потерей жены, но и всеобщим посмеянием. Он воспринимается — не имея никаких отрицательных качеств — как отрицательный герой, неудачи которого должны показаться читателю достойными смеха. Неспособность к успешному решению своих практических дел воспринимается как порок. «И король пришел в великое посмеяние и стыд от всех государств. И от великаго стыда и несносной печали при старости своей безвременно и умре. А гишпанской королевич Александр с королевною своею Анною начаша жити со всяким благополучием и бесмятежно, и дожиша до старости лет, и преставилися, и погребены по королевскому обычаю с великою церемониею в печали. И так сия история скончалася, а слава их не миновалася».

Как мы видим, гибель доверчивого короля не кладет пятна на репутацию героя.

В течение всего действия повести герой и героиня совершают бесчестные поступки — королевич жлет, обманывает друга. С королем он разговаривает «с великим уничижением» — эта формула повторяется несколько раз. Но дело в том, что моральные критерии ни к нему, ни к королевне вообще не применяются¹⁴ — оба героя обладают энергией, способностью добиваться земного благополучия, и это обеспечивает им сочувствие автора и читателя.

Однако сходство с художественной структурой плутовской новеллы не исчерпывает своеобразия публикуемой повести. Для раскрытия других ее сторон необходимо коротко остановиться на взаимоотношении ее уже не с фольклором, а с печатным романом середины XVIII в.

Плутовская новелла сыграла прогрессивную роль не только тем, что разрушила церковную мораль, — она была связана и с общим изменением отношения художника к жизненному материалу. Эмпирическая реальность окружающей жизни переставала восприниматься как греховная и тленная — она делалась высшей целью вожделений, окружалась уважением и, естественно, становилась предметом литературного изображения.

Однако было бы в высшей степени неосторожно преувеличивать «реалистичность» новеллы такого типа. Эмпиризм ее имел и другую сторону. Как мы видели, отрицая церковную мораль, он отбрасывал мораль вообще, отрицая средневековое спиритуалистическое единство мира, он отбрасывал единство вообще; отрицая иерархию абстрактных идей средневековья, он отказывался от всякой абстракции. Влечение к единичному факту, как и наивное стремление к упрощенным наслаждениям, как и отталкивание от любых теоретических обобщений, отражало то общественное сознание, которое свергло с себя бремя средневекового аскетизма, но не поднялось еще до идеи социального осмысления жизни.

¹⁴ Образ волшебного помощника, например, беса в «Савве Грудцыне», кроме средневековой идеи пассивности человека, связан был и со средневековым морализмом: поскольку все действия героя вызваны наваждением, он может оставаться положительным, совершая предосудительные поступки. Ответственность падает на истинного виновника действий. Освобождаясь от помощников, герой тем самым брал на себя всю ответственность за моральную сторону своих действий. Поэтому Савва еще может, добываясь жизненного успеха, оставаться героем, подлежащим моральному суду, Фрол Скобеев уже вообще вне этических оценок, ибо в противном случае вызывал бы у читателей не сочувствие, а осуждение.

Эмпиризм подобного мышления должен был быть преодолен во имя выработки новых абстракций, новых теоретических норм, теперь уже основанных на фактах действительности и эту действительность объясняющих. В области художественной прозы это означало два пути: переход от новеллы о плуте либо к плутовскому роману, либо к идеологическому роману эпохи классицизма.

На первом пути следует несколько задержаться, ибо это позволяет установить отличие новеллы о плуте, для русской литературы в основном рукописной, от плутовского романа и проливает некоторый свет на художественную структуру публикуемой повести.

Плутовской роман, как указал еще В. В. Сиповский, исторически сложился в результате циклизации плутовских новелл. Однако отличие не было чисто количественным. Нагнетание ряда эпизодов приводило к тому, что герой оказывался не единственным плутом в произведении: рядом с ним, стремясь захватить свое место под солнцем, движутся другие герои. Если в новелле герой-плут сталкивается с простофилями, победа над которыми ему обеспечена самими качествами его характера — умом и активностью, то теперь он борется с людьми, столь же ловкими, как он сам. Исход борьбы всегда проблематичен. Если в новелле судьба героя, например Фрола Скобеева или царевича Александра, развивалась по восходящей линии, то судьба «пригожей поварахи» Мортонны у Чулкова или Молль Флендерс у Дефо — это непрерывная цепь взлетов и падений. Все зависит от того, с кем сталкивается герой: с плутом, более ловким, чем он сам, или с зазевавшимся противником, которого ему удастся одурачить.

Наивное, эмпирическое тяготение к физическому счастью заменяется своеобразной к о н ц е п ц и е й жизни. Общество — собрание врагов, каждый из которых стремится лишь к своему благополучию; рассчитывать на жалость не приходится; проявлять жалость глупо. Сам факт активности не обеспечивает еще герою победы — все зависит от случая (веры в божественное провидение давно нет), который играет людьми. Это приводит к тому, что наивный «физиологический» оптимизм плутовской новеллы сменяется в плутовском романе пессимистическим взглядом на жизнь.

Таким образом, являясь этапом на пути к развитию плутовского романа, рукописная новелла о плуте вместе с тем рядом идейно-художественных принципов от него отличалась.

«История о португальской королевно Анне и о гишпанском королевиче Александре» обладает признаками, характерными именно для новеллы: сюжет сводится к истории одной плутни (в романе — цепь обманов), противник королевича Александра — не «плут», а «простофиля», общее настроение повести оптимистическое, обратная сторона общества, заменившего авторитет церковной морали и принудительную власть феодального государства свободной игрой «раскованной» инициативы, автору еще не известна.

Однако не все своеобразные черты публикуемой повести укладываются в рамки эстетики плутовской новеллы. Эмпиризм плутовской новеллы имел еще одну сторону — произведение воспринималось читателем как рассказ о подлинном событии. Этому способствовала и «правдоподобная», русская обстановка действия, и ссылки на точные даты, исторические реалии и имена. Эта своеобразная реалистичность, бывшая в свое время значительным шагом вперед, в дальнейшем превратилась в тормоз. Дальнейшее развитие вперед требовало обобщений, концепции, а это в свою очередь подразумевало оправдание абстракции, вымысла. Читатель должен был научиться воспринимать произведение как акт художественной

фантазии и понять возможность интереса к рассказу о вымышленных событиях.

На первых порах эта новая потребность удовлетворялась старыми средствами, она вызвала оживление интереса к таким устаревшим уже формам прозы, как волшебный и рыцарский роман. Произведения эти привлекали заведомо вымышленным характером сюжета, что в новой литературе, после разрушения средневекового «летописного» сознания, сделалось одним из условий эстетического восприятия текста.

Прежде чем был найден новый путь, путь к плутовскому роману — вымышленному повествованию о действительности, автор просто соединял две уже знакомых ему прозаических традиции: галантно-рыцарский роман и плутовскую новеллу. «История о королевне Анне» — пример именно такого решения вопроса: перенесение действия в Португалию, типичные для рыцарского романа детали — любовь во сне или любовь по портрету (ср. любовь по портрету в очень близкой по художественной структуре «Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии»).¹⁵ Подобная попытка синтеза встречается и в печатной литературе. Так, у М. Чулкова в «Пересмешнике, или Славянских сказках» история плута-студента Неоха переносится в фантастическую обстановку древнего Новгорода и вымышленной Винетты. Вообще, весь «Пересмешник» представляет попытку синтеза плутовского и рыцарски-фантастического повествования.

В этом смысле особое удобство представляло перенесение действия в Испанию и Португалию — страны, связанные для читателя середины XVIII в. одновременно и с традицией плутовского, и с рыцарским романом.

Показательно обилие в литературе тех лет произведений с указанием — часто фиктивным — на испанское или португальское происхождение. Кроме названной выше «Повести о гишпанском дворянине Карле», можно было бы назвать, например, появившийся в 1763 г. роман «Любовный вертоград, или непреоборимое постоянство Камбера и Арисены» с пометой «перевел с португальского на Российский язык государственной Коллегии иностранных дел переводчик Федор Эмин». Указание на испанский оригинал содержит и загадочная, но весьма интересная повесть, появившаяся в Москве в 1796 г. — «Странные приключения Дмитрия Магушкина, российского дворянина, описанные им самим на испанском языке, с которого переведены на немецкий, а с сего на российский язык».¹⁶

Таким образом, новонайденная «История о португальской королевне Анне и о гишпанском королевиче Александре» не только пополняет список известных нам до сих пор рукописных повестей XVII—XVIII в., но и позволяет сделать некоторые наблюдения над закономерностями развития этого жанра.

Текст публикуемой «Истории» находится в сборнике из собрания И. А. Шляпкина (№ 181.318) в библиотеке Саратовского университета. Сборник размером в пол-листа, без переплета, написан на толстой синей бумаге отчетливой скорописью конца XVIII в., 43 л. Водяной знак: герб Ярослава и буквы ЯМВСЯ. На первом листе сверху черными чер-

¹⁵ См.: П. Н. Берков и В. И. Малышев. Новонайденное беллетристическое произведение первой половины XVIII в. («Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии»). — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 408—426.

¹⁶ В 1753 г. в Германии появился немецкий текст этого романа. Основываясь на этом и на искажении в тексте русских фамилий, Сиповский заключил, что перед ним — перевод немецкого произведения с псевдорусским сюжетом и, как неоригинальное, исключил его из рассмотрения. Анализ текстов заставляет нас предположить, что немецкое издание — перевод русского рукописного текста, который был в дальнейшем снова переведен на русский язык.

нилами (весь сборник написан коричневыми чернилами) и иным почерком, чем писан весь сборник, сделана запись: «Сия книга Михаила Полозова 1807 года». С л. 1 по 34 об. читается повесть о Долторне, с л. 35 по 43 об. — интересующая нас повесть. На л. 34 об. после окончания повести о Долторне, тем же почерком, каким писана и вся рукопись, сделана запись: «Писана в 1799 году апреля 5 дня. Канцелярского сына Александра Соболева». Сразу же в строку за этой записью теми же чернилами, но иным почерком беглой скорописью приписано: «Собственная ево. Подлинно в чем и в засвидетельствование подписался подканцелярист Иван Орлов». Его же подпись в самом конце сборника: «Подписал подканцелярист Иван Орлов». В тексте «Истории о португальской королевне Анне» на л. 38 целый абзац написан рукой Ивана Орлова, им же написана одна строка на л. 39 об. и несколько слов на л. 43. Надо полагать, что «канцелярский сын Александр Соболев» не мог разобрать некоторые места в оригинале, с которого он делал свой список, и «подканцелярист Иван Орлов», как более опытный писец, исправил эти недостатки списка Соболева, внося в него поправки своей рукой. О том, что интересующий нас сборник является уже списком с более раннего текста, свидетельствуют некоторые опiski в тексте рассматриваемой повести. А. Соболев в ряде случаев либо пропустил, либо не разобрал некоторые выносные буквы. В результате этого у него появились такие написания: «перона» вместо «персона», «королевским» вместо «королевскими», «ти» вместо «три», «горить» вместо «говорить», «прил» вместо «приплыл», «ле» вместо «лет», «вел» вместо «велел» и т. п.

Текст «Истории о португальской королевне Анне и о гишпанском королевиче Александре» публикуется в соответствии с правилами публикации текстов, принятыми в ТОДРА.

Текст

История о португальской королевне Анне и о гишпанском королевиче Александре

Бысть в древния времена и лета в Португалии король именем Григорий. Имел у себя третью жену королеву Анну, дочь бурганскаго князя, велми прекрасну и младу, якобы 20 лет.^а И живяше с королевною своею не в прямой любви, ради того, что король бысть в доволной старости: уже лет 80. И стал королеве своей не верить, а ревновать, и приказал зделать палату ей особливую, и приставил караул, и посадил ея в палату и запер, и не велел^б пускать к ней никою. Толко временем приказал пущать двух девиц, да сам король, когда придет и то один толко — кушать да спать с нею, и то раз^в в¹ пол месеца или в месяц. И уже тому времени как король женился прошло лет 7, и королевна живяше все в печали.

И промежь тем временем случитца королеве спать в некоторую ноць, и видяще во сне гишпанскаго королевича Александра, как бы с нею веселится. И вскоре королевна проснулас и стала размышлять о королевиче и о красате его. И весма начаша о нем сердцем болети. В ту же ноць гишпанскому королевичу Александру таким же образом видится во сне португальская королевна Анна, как бы он с нею веселится. И проснулся вскоре, и пришел в^д великое размышление, и дивился красоте ея, и стал

^а В ркп. ле.

^б В ркп. вел.

^в В ркп. разве.

^г В ркп. с.

^д В ркп. нет.

разсуждать || о любви ея, как бы ее видеть. И распалился о королевне л. 35 об. сердцем и великим горячеством.

Потом королевич Александр пришел ко отцу своему и стал со учтивостию проситца в Португальское государство и к португальскому королю. И отец его уволил ехать. И стали убирать флот королевичу в маршь, и убрали в поход двенадцать кораблей. И потом вскоре королевич Александр поиде в путь свой. И когда прибыл от Португалии на пристань, поставил двор полотняной. И потом королевич пошел во град. И в то время король португальской шел в костель к абедне, и королевич Александр прииде в костель в великом королевском уборе. И после^с обедни подступил к королевскому величеству с великою учтивостию. И король спросил королевича о его чести и о природе. И королевич сказал о себе и о чести со уничтожением,^{*} что «Я королевич, сын короля гишпанскаго, а имя мне Александр». И король его принял с великою честью и с любовью.

И поидоша с королем в королевской дом. И когда пришли в палаты и рече король к королевичу: «Господине Александр каралевичь, что ваш приезд до нас?». И королевич Александр нача королевскому величеству с великою честью говорить: «Доношу вашему величеству о своем приезде, что я приехал до вашего величества в начале при старости вашему величеству должность, честь и поклон одать!». И протчие ответы, с церемониею, многие говорил с великою учтивостию. И король удивился его разуму || и ответам. И начаша его любити, понеже что он, королевичь, л. 3 млад и весьма прекрасен, и во всяких забавах искусен, и всегда с королем ездяше во всякие канпани.

И промежь тем, живяше королевич Александр многое время и никаким образом королевы видать не мог. И случится в некоторое время королевичу ити мимо той полаты, в которой королева живет. И королева изготовила письмо к королевичу и написала в письме: «Благородный мой государь, королевич Александр, как можно изволь доставать меня, чтоб нам с тобою видется и веселится», и спустиша письмо из окна. И королевич увидал письмо, и велел своему пажу письмо подять, и паж письмо поднял и подал королевичу.

И стал мыслить, и прииде королевич к королю, и стал говорить и просить места где дом построить. И король рече королевичу: «Где тебе угодно». И королевич нача места просить за некоторым понтом,^з где убогих людей и не имущих пропитания дома, а те сопротив королевских палат. И король приказал оные дома въскоре очистить и построить королевичу дом из своей казны. И скоро начаша строить дом королевичу. И тогда построили дом королевичу, и королевич зделал банкет великой и позвал его королевское величество, и всех министров, и прочих. И стал банкетовать и веселится.

И потом королевич Александр послал от себя изо флоту ко отцу своему, и написал письмо, и в письме написано, чтоб отправить || к нему л. 36 об. самых лутших инженеров и несколько кондукторов со всеми инструментами подькопными: «Для того, что король португальской зачал войну и хочет штурмовать город, а меня просил с^н собою. Чтоб из служителей которых инженеров, лутших мастеров, и ваша милость, государь батюшка, пожалуй немедленно изволь ко мне в Португалию прислать». В скорости отправил карабль ко отцу своему в Гишпанию.^к

Прибыл карабль в маршь в Гишпанию, и капитан вышел ис карабля, и поиде с писмами до королевскаго двора. И как пришел пред короля

^с В ркп. подле.

^{*} В ркп. учинижением.

^з В ркп. потом.

^н В ркп. нет

^к В ркп. доб а сказал.

и падал письма королевскому величеству от королевича Александра. И король письма^а принял и приказал прочесть, что в письмах написано, чтоб отъправить въскорости самых лучших инженеров и несколько кондукторов со всеми струментами подъякопными. И скоро король гишпанский приказал отъправить двенатцет человек инженеров, с ними несколько кондукторов со всеми струментами подъякопными. Отправили в море по приказу королевскому карабль.

И приплыл^к карабль в Португалию в свой флот. И скоро поидоша х королевичу,^н и капитан подал от короля письма и объявил инженеров и кондукторов со струментами подъякопными. И потом королевич призвал инженеров и кондукторов, и стал им говорить, что «Можете ли зделать из моих покоев подъякоп под полаты, где каралевна обретається?» — и показал^л ту полату, — «И ис полат || на пристан?»^о. И оне сказали, что могут^о зделать. И королевич рече им: «Как скоро можете зделать?»^о. И оне сказали: «Мы вашему величеству, всемилоствейшей государь наш, зделаем в четьре месеца или в шесть конечно». И потом начаша делать. И зделали в три^п месеца под полату,^п и зделали двери в палату за печь. А делали в те поры, как королевна изволила опочивать.

А как совсем совершили, и король стал збиратца в некоторой порубежной город, а расгаением тот городок велми далеко, что в шесть месяцев до того города надобно ехать. И промежь тем временем королевское величество стал збираться в путь свой и начал королевича Александра с^с собой звать. И королевич Александр слег^т притворною^у болезнию. И сказали королю,^ф что королевич Александр велми болен. И король сам приехал к королевичу и стал ему говорить.^к «Господин королевич, что за болезнь?»^к. И он отвеща ему: «Всемилоствейшей государь^н король, всежелателна хотел с вашим величеством ехать, толко вижу, что мне несчастье не допускает с вами ехать, понеже весма немощен!». И король поехал в свой дом, и прислал^ч доктуров. И доктурьы присмотрели в королевиче жар великой, и пришед сказали его величеству, что «Не можно королевичу с вашим королевским величеством || ехать». И король, намерен в которой день ехать, и приехал х королевичу прощатся, и простился, поехал в путь свой.

А королевич Александр, после короля спустя дни с три^ш и на четвертой день, пошел убравшись в королевское платье и убрался в кавалерским. И пришел х кровати где королевна опочивает, и пришед одернул завес, и взял королевну за руку. И королевна очнулась, и сама зглянула и увидела королевича, стояща у кровати, и встала въскоре, и друг з другом начали^щ целоватися с великою любовью. И королевич Александр вынял из с кармана то письмо, что которое королевна спустила из окна, и он то письмо подал и королевна приняла у королевича. Лег с королевною на кровать и совокупишася, и с радостию стали веселитися паче прежнаго. И жил с королевою до приезде королевскаго величества. И королева подарила королевича перснем, которым с королем обручалас.

И приехал король ис походу своего, и королевич позвал короля к себе на банкет. И король узнал перстень у королевича. И скоро король поехал от королевича. И королевич признал, что король перстен на руке узнал, и пошел скоро к королеве и одал перстень. И королева, взяв перстень, и бросила в лом с худыми персьнями и прочее сребро. И король

^а В ркп. писза. ^к В ркп. прил. ^н В ркп. королевскому. ^о В ркп. может.
^п В ркп. ти. ^р В ркп. поладту. ^с В ркп. нет. ^т В ркп. слез. ^у В ркп. притворну.
^ф В ркп. король. ^х В ркп. горить. ^н В ркп. госуда. ^ч В ркп. приехал.
^ш В ркп. ти. ^щ В ркп. нет.

скоро пришел к жене своей, королеве, и спросил персьня. И королева сказала королю: «Где мне ево теперь искать? Как я и вышла за ваше величество и с такой радости не знаю где и девала!». И король з гневом рече ей: «Канечно сыщи! Иначе говори,⁹ что каким образом одан перстень королевичу?». И королева оной девке с¹⁰ сердца || проговорила смотрет л. 38 в скрынах. И уже последнюю скрыну высыпала карабле (?) и взяла перстень и подала ему, и рече: «Вот ваш перстець!». И король посмотрил на перстень, и рече королеве: «Возлюбленная моя королева, прости ты меня, что я помыслил! Был я у королевича гишпанскаго и видел перстень на руке ево словно^а такой как етот». И королева разсмеялася и рече королю, мужу своему: «Я удивляюся, ваше королевское величество, вашему разуму, что изволите мыслить будто вы перстень у королевича! Как вашему персьню у него быть? и отькуда он возмется? и от кого? И я веть его не знаю и не видала, толко слыхом слыхала от вашего величества, что приехал такой королевич. А ваше величество изволите удивлятца, что перстень подобен твоему? Что у него в государстве нет ли мастеров против наших? или камня? Не токмо то, что дело в делом сходно и человек в человека народитца! А у королевича есть золота и камня — может зделать». И король разсудил — воистинну королева правду говорит. И быв в палате, откушал с королевою, и простился и пошел в свою покоевую. Палату замкнул и запечатал. А королевич Александр ночью прииде к королеве и она ево^{11, а} приняла с великою любовию, и лег с королевою на кровать и начали веселитися. И королева одала перстень королевичу, и рано поутру проводила королевича с великою любовию.

И потом королева подарила королевича кленотами королевскими.^б Случится королю^в || быть у королевича, и приехал в дом свой. А королевич признал, что король узнал кленоты, и поиде подкопом к королеве и одал кленоты, потом скоро возвратился в дом свой. И король пришел к палате и приказал отпереть. И вниде в палату, а королева в то время опочивала. И разбудил король королеву и королева встала. И король нача ей говорить:^г «Королева, где кленоты?». И королева с^д сердца рече королю: «Я удивляюся вашему разуму: что изволишь где увидеть, то все кажется твое! Еще изволил увидеть у королевича что? и перстень знатно еще нет камня». И сыскала кленоты и дала королю. И король удивился, и стал королеве говорить: «Возлюбленная моя королева, пожалуй прости меня, что мне помстило бы, якобы у королевича мои кленоты». И королева начаша смеятя и рече королю: «Я удивляюс уму вашему: что малые ребята тово не сотворят, что ты изволишь делать!». И король, видя свою вину, начал^е ее увеселять, и сказал королеве, что «я ныне с тобою начевать буду». И королевна знает, что будет и королевич, и не знает как быть. Но однако вымыслила.

И начала королю говорить, что «Изволишь теперь итьти и приказать кушать готовить». А в то жь время пришли министры и пришла девица, и сказаша королевскому величеству, что пришел паж, велел донести вашему величеству. И король пошел ис полаты, а королевна послала девку свою тайно подькопом и велела королевичу сказать, что «Король будет со мною начевать и ты, мой друг, ныне не ходи». И король был || у министров, и вечеру стали кушать с королевною, и после кушанья изволил с королевною опочивать. И по том времени каралевич стал жить с королевною и королевна кленоты каралевичу одала. И стала королевичу гово- л. 39

⁹ В ркп. говорить. ¹⁰ В ркп. нет. ^я В ркп. слово.
^{11, а} В ркп. ева. ^б В ркп. королевским. ^в В ркп. королю. ^г В ркп. гово-
 рит. ^д В ркп. нет. ^е В ркп. нет.

рить: «Возлюбленный мой друг, изволь думать, чтоб нам в твое* государство ехать». И нача королевич с великою любовию целовать ее и пошел в дом свой.

И потом королева пришла к королевичу и живописец тот час нарисовал королевину персону девицею. И так учинил хитро и исправно, аки живу девицу. А королевич призвал из своево флоту капитана, а дал ему персону и велел персону курсовать³ три месеца. «И ты приди во флот и с обеих лагов ис пушек пали», а изо флоту приказал также честь одавать. И капитан взял персону и пошел в море, и ходил три месеца. И как три месеца прошли и капитан возвратился в свой флот и стал с обоих лагов палить. А изо флоту напротив стали честь одават. И капитан приказал якорь бросить и сам сел в шлюпку, и поехал на берег, и пошел к королевичу. И когда приидоша капитан к королевичу с персною и королевич приказал зделать рамы и поставил ее в рамах.

И от короля пришли к королевскому величеству, чтоб изволил быть к его величеству. И королевич убрался в драгое платье и пошел к королевскому величеству. И шел мимо палаты королевниной и королева ||
 а. 39 об. одернула завес и отъворила нижнее у окончины створы подала королевичу поклон от великой любви. Также и королевич напротив ее величеству искусно одал честный коплемент. А в те поры шел за королевичем его паж. И как пришел королевич к королю, и король его стал спрашивать: «Благородный мой господинь, что у вашего величества очень во флоте вашем была стрелба пушечная?». И королевич рече к его величеству: «О стрелбе доношу вашему величеству: изволте ведать, что родитель мой, государь батюшка король гишпанской, зговорил меня на дочери у некотораго князя своего владения, и прислал персонну моей невесты. Прошу вашего величества к себе посмотреть персону невесты».

Король начал тот час збираться, а королевич Александр наперед пошел в дом свой. А король пошел к королеве в полату и стал королеве сказывать, что звал его королевич к себе персону смотреть, которую прислал отец ево, король гишпанской. И королева рече королю: «Изволте ехать, да и нам скажи». И король поиде из полаты вон и поехал к королевичу. И как прибыл королевское величество к королевичу, и королевич одернул от персоны завес. И увидел персону король начал удивляться персоне, что «Персона точно королева моя». И королевич рече королевскому величеству: «Что ваше величество⁴ етому удивляетесь? Много етова бывает, что персона^к в персону приходит». И стали весе-

а. 40 литися и поздравлять королевича с невестою, и королевское || величество гораздо подъгуляя и подвеселился. И довольно гуляли и поехал король в дом свой и пришел к королеве, и стал ей сказывать, что видел персону «Словно словно подобна тебе, как девицею была». И королева рече королю: «Много случается етова, что персона в персону приходит». И начаша так про их здравие король и королева. И король посидел у королевы и поиде в свою покойную полату.

И потом королевич стал просить у королевскаго величества, чтоб ему женитца и сварбу⁴ сыграть в его королевстве. И король с великою радостию рече королевичу: «Возлюбленный мой господин, королевич Александр, изволте писать до своего родителя, чтоб изволил прислать обрученную невесту, и я вам отъправлю сварбу с* своей казны, и провожу

* ркп. в твое повторено дважды. 3 В ркп. красовать. 4 В ркп. величеству.
 к В ркп. перона. 4 Как мне сообщил П. Н. Берков, диалектное слово сварба вместо свадьба встречается в текстах комедий XVIII в. * В ркп нет

тебя честно». И королевич с великим уничижением поклон одал. И поиде король х королевне в полату и стал сказывать, что обещал королевичу сварбу здесь играть. И королевна рече королю своему: «Когда королевич у вашего величества просил, и ваша милость ему обещал, изволте в правде стоять, и он на вас будет надеяться во всем. А, я, хотя буду и заперта, толко буду смотреть ис полат».

И с королевичем положил^н твердой завет король промежь собою. И королевич того часа отъправил карабль || во отечество ко отцу своему, л. 40 об. королю гишпанскому. И написал в писме: «Всемилоливейшей государь мой батюшка, известно вашему величеству буди, что я зговорился у португальскаго короля на своячине и прошу вашего отеческаго благословения. Да благоволите, ваше величество, отъправить ко мне в прибавку флоту. И на флоте благоволите ко мне прислать благородных сенаторов и з женами, и несколько благородных девиц, и музыкантов, и протчие что принадлежит к сварбе». И как прибыл капитан в Гишпанию, и скоро пошел до королевскаго величества и подал писмо от королевича. И стал читать король. И как писмо прочел и начаша веселиться. И король приказал флот готовить военной 30 караблей да 5 караблей с питьями и со всякими припасами. Да шесть кавалеров с^о женами и несколько честных девиц благородных. И скоро флот отъправил король к сыну своему в Португалию.

И как флот пришел и учинилас во флоте великая стрелба пушечная^н — стали адмиралу честь одавать. И в те поры каралевич скоро поехал х королевскому величеству и стал просить, чтоб посмотреть невесту и принять в свою милость отеческую. И король со всею радостью сказал: «Тът час вашему величеству буду». И пошел х королевне и начаша сказывать, || что х королевичу невесту привезли. И простился с королевною и пошел л. 41 из^р спальни вон, и запечатал палату, и пошел в свои покои. И приказал приготовить коней и карету и, убравшись, поехал. И в то время королевна убралась девицею и поиде х королевичу с присланным пажем на взморье.

А король, не ведая сего, послал карету прежде себя х королевичу на пристань с великим убранством: чаял, что истинная его обрученная приехала невеста. А как королевна пришла х королевичу, и королевич с великою честью принял королевну, и тогда все благородныя жены и девицы с великою церемонию поклон одали и стали иметь за истинную государню свою. И королевич поехал наперед в дом свой и за ним королевна со всеми изволила ехать. И как приехали во свои покои, то в самой скорости и король прибыл х королевичу. И королевич стретил королевское величество. И как вошел в палату, и королевна вышла, убравшись девицею, подала королю поклон с великим учтивством и церемонию. И начаша пити, и ясти, и веселиться. И при том веселии^с положили король с королевичем день, как сварбе быть. И по многом веселии^т король и протчия министры разъехашаса по своим домам.

И вси ожидаше^у уреченнаго дни. И как оный назначенный день прииде, и король послал своего пажа, дабы все ехали сенаторы, и министры, и кавалеры з женами своими для такой || неизглаголанной радости и веселия. л. 41 об. А сам король стал убираться в королевское свое драгоценное платье. И убравшись, пошел х королевне и рече ей: «Возлюбленная моя королевна, ныне я пойду на сварбу х королевичу, и буду банкетовать во флоте, и поеду его провожать до порубежнаго города». И королевна рече королю своему: «А я буду на вашу сварбу смотреть из полат,^ф как изволите^х

^н В ркп. положила. ^о В ркп. нет. ^п В ркп. пошечная. ^р В ркп. и.
^с В ркп. весели. ^т В ркп. весели. ^у В ркп. озидаше. ^ф В ркп. полад ^х В ркп. изволте

ехать». И простился король с королевною и пошел из полаты. И приказал полату запереть,^и и запечатать, и караул поставить. И поехал к королевичу.

А королева поставила фигурную куклу и убралас девицею, и поиде к королевичу. А король был во отцовом месте и королевич с королевною обвенчалс в костеле, и приехали в дом свой. И король стретил с хлебом да солью и благословил образом, и сели в карету, и поехали все на взморье,^к король и протчие. И как стали супротив полат королевниных, и увидял король в окне стоящую куклу убрану, и рече король: «Господин королевичь, вон жена моя смотрит на ваше величество». И королевич с королевною, встав, поклонилис кукле.

И приехаша на пристань. А королевич двор свой приказал заранья выбрать, то по приказу его и учинено. А как вышли ис кареты и пошли на карабль, на котором карабле был адмирал, и на карабле было девяносто пушек. И адъмирал перешел на другой карабль. И стали веселитис король и королевичь и протчия все, при оной канпани бывши, про их величество новобрачных. || И в то время карабли были готовы: изо всего флоту стали ис пушек палить, такъже и про королевское величество была стрелба. И уже до вечера за два часа,^ш а королевичь приказал адмиралу и музыка стала играть. И король с королевичем стали тонцовать з благородными дамами, и бысть веселие великое. И король весма подъвеселился и стал говорить королевичу: «Господин королевичь, воистинну ваша благородная невеста подобно моей жене и всем похожа — и ростом, и лицом, и словом». И королевичь отъвещал королю: «Всемиловивейшей^ш государь, много етова случается, что персона в персону приходит». И начаша веселитис паче пржняго. И уже близ вечера, а королевское величество весма подгулял, и подарил королевну великими^о дарами.

И потом скоро поехал в дом свой с королевичем, поехал провожать ево. А королевна наперед ушла тайным поткопом в свою полату. И пришед, раздевшис легла с труда на свою кровать, понеже королевна во всю бытность такого веселия не видала, и уснула крепко и разгорелас сердцем. И король приехал в дом свой и пошел к королевне в полату, и отъпечатал, и взашел, и разбудил королевну. И королевна бутю з сердца встала. И рече король королевне: «Возлюбленная моя королевна, был я у королевича и видел его невесту преславную, подобна всем тебе: лицом и речью, и ростом». И королевна || рече: «Что мне в естом прибыли? Мало ли вы изволите веселитис, а у меня одно веселие и одна палата, да им уже здраствовать». И король стал говорить: «Надобно отъправить королевича честно». И королевна рече, что «И совершенно вашему величеству надобно отъправить его честно, когда изволил вступитис и нарещися отцем». И начаша король с королевною пити про их здравие высочества.

А как был король у королевича и положили промежду собой твердыя завет, и назначили день, что его королевскому величеству королевича проводить. И как пришел день и стал король убиратис. И уже прииде время, и королевичь пришел к королевскому величеству и стал его просить, чтобы^ю проводил до порубежного^я городу. И король сказал: «Буди по вашей воле, как вам угодно, так и буду служить». И королевна в то время стала убиратис совсем, и все свои уборы и весь экипажь свой выслала. Толико адмиралу своему во флоте, чтоб сигнал дал и карабли были бы готовы в поход. И король срядился и пошел к королевичу со всеми своими сенаторы.

^и Р ркп. заперед. ^к В ркп. взаморье. ^ш В, ркп. чаша, ^ш В ркп. Всемиловившей.
^о В ркп. великим. ^ю В ркп. что ^я В ркп. поружнова.

И пришед, простился король с королевною, и пошед запечатал палату. И королевна срядилась и пришла к королевичу.

И как все собралися и стали парусы распускать, и подняли якоря, и пошли в маршь. И прибыли под городок порубежной благополучно. И королевское величество сошел с карабля, и королевич с королевною. И веселили целую неделю. А в те поры || флот гишпанской вышел в большое море. ^{л. 43} И потом королевич с королевною изволил ити на свой корабль. И король приехал к ним на карабль и стали еще веселиться. Промежь тем прииде время итти в путь, и стал королевич и королевна с королем прощатся и король с ними простился, и сел в ^{III.} ^а свою шляпку и поехал. И королевич приказал из своего флоту королевскому величеству честь одавать. И музыка стала играть. И потѣм якоря подняли и распустили ^б парусы и пошли в свою землю.

И доидоша в Гишпанию со всяким благополучием и радостию. И когда королевич прибыл в Гишпанию ко отцу своему, и король стречал королевича сына своего и с невескою со всем своим государством. И взяша их за руки и поведоша в свои королевския палаты, и как ведоша, и тогда стал невеску свою дарить всякими драгоценными дарами. И начаша пити и ясти и веселиться. И бысть великое веселие и неизглаголанная радость.

А португалской король прибыл в свое государство и поиде в свой дом королевской. И потом пошел к полате, где королевна живет. И приказал ^о отпереть. И вошедши в полату кличет королевну: «Жена моя возлюбленная!». А поставленная кукла ничего ни говорить. И король вторично кликнул, и она не отвечает. ^{л. 43 об.} И король удивился, при[шел] ^д || к ней, ударил и кукла упала. И король видит, что за притчина зделалас? А в той палате никого. И как король провожал королевича и во оное время в той полате никто не бывал, понеже король ходить сам не приказал. И повеле король королевну искать. И не обретоша нигде, толко нашли двери и поткоп в светлицу к королевичу, а другой подкоп от королевича на пристань. И король в то время сам узнал, что королевич его оманул, а король жену свою сам доброю волею выдал замужь за гишпанскаго королевича Александра. И король пришел в великое посмеяние и стыд от всех государств. И от великаго стыда и несносной печали при старости своей ^е безвременно и умре.*

А гишпанской королевич Александр с королевною своею Анною начаша жити со всяким благополучием и бесмятежно, и дожиша до старости лет, и преставилися, и погребены по королевскому обычаю с великою церемониею в ^з печали.

И тако сия история скончалася, а слава их не миновалася, а детей после их много осталася, которые писана в других историях.

III. ^а В ркп. нет. ^б В ркп. распуст. ^в В ркп. приказать. ^д В ркп. отъествует.

* Нижний угол листа обтрепанся, и окончания слова в ркп нет. ^е В ркп. свой.

* В ркп. умжре. ^з В ркп. и.